

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.



Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 50. Is. 4. pp. 1752-1765. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.4.1752
Journal homepage: <http://ejournal52.com>



The Centenary of the Great Upheavals in the Mirror of the Latest Russian Historiography

Andrey Yu. Dvornichenko ^{a, 1}, Aleksandr E. Kotov ^a

^a Saint Petersburg State University, Russian Federation

Abstract

The authors of this article analyse the latest Russian historiography of the Great Russian Revolution of 1917 and related events: the First World War and the Civil War. They take mainly journal scientific publications for the “jubilee” of the Revolution in 2017 and 2018. It is clear that the jubilee “set” of academic literature more prominently marked disagreements, and at the same time, the weak points of the historiographic field, which had emerged much earlier. In the foreground there are theoretical questions: what caused the social explosion in Russia, could Russia avoid the revolution, the eternal Russian question “who is to blame” and many others. An important role in the latest discussions plays the estimation of the modernization of Russia at the beginning of the 20th century, its nature, prospects and role in the actual revolutionary events. The most vivid example of these disputes is the ongoing discussion around the concept of B. N. Mironov. In the series of attempts to find the causes of the revolution two deserve intent attention: the discussion organized by the editorial board of the magazine “Rossiyskaya Istoriya” about the monograph written by V.P. Buldakov and T.G. Leontieva, as well as a survey of historians opinions which by the compilers of the “February Revolution” miscellany had been undertaken. In recent years, also continued attempts to place the Russian revolution in the global context and most importantly, there are numerous publications devoted to particular aspects of the “great upheavals”: individual social strata and groups, imperial and post-imperial regions. Of particular interest is the question of the role of monarchical groups in the Revolution and the Civil War. The study of the “history of concepts” and “policy of memory” has been developed rapidly in recent years - and in this context there are some important latest publications devoted to the perception of the revolution by contemporaries and descendants. In general, modern historiography intensively accumulates material, preparing the site for a further successful start in the race for scientific truths.

Keywords: historiography, Russia, scientific journals, October revolution, February revolution, Civil war, modernization, policy of memory.

1. Введение

Ко времени своего столетнего юбилея большинство масштабных событий обыкновенно превращаются из политических фактов в исторические. Внуков бывших участников гражданского противостояния сама природа возвращает к общему знаменателю: родным пепелищам и отеческим гробам. Впрочем, недавний «конфедератопад» в США свидетельствует о вероятности и обратной трансформации. У России и здесь особый путь: у нас идея национального примирения опередила свое время и сама превратилась в инструмент гражданской войны – в этом качестве как бы похоронив себя в могилах возвратившихся в Россию в 1920-х гг. и позднее погибших здесь белых эмигрантов. Возможно, поэтому вопрос о месте погребения В.И. Ульянова-Ленина до сих пор обсуждается с таким накалом, будто революционный вождь покинул свой краснознаменный чум только вчера.

Юбилейный «год» продолжается («...нет у революции конца»), а уже появились первые попытки его осмысления. Вполне естественно, они носят историографический характер: когда, как не

¹ Corresponding author

E-mail addresses: a.dvornichenko@spbu.ru (A.Yu. Dvornichenko), a.kotov@spbu.ru (A.E. Kotov)

в юбилей, отдаться историографической рефлексии? Да к тому же в условиях «исторического поворота», особенно актуального именно для нашей страны с ее «непредсказуемым прошлым».

2. Материалы и методы

Попробуем осмыслить и мы, не претендуя на полный охват и делая упор на журнальные публикации, ведь журналы – самый быстрый и тонкий инструмент исторического познания. Именно журнальная статья дает нам столь желанный метод актуального анализа тех материалов, для монографического осмысления которых требуются годы...

Историки не могут не думать о том фоне, на котором разворачивается их *научная* деятельность. Под фоном подразумеваем историческую *память* и историческую *политику*, хотя понимаем, что соотношение этих компонентов сложнее и «фон» здесь понятие условное. Ситуация для революции, ее изучения, мягко говоря, не очень благоприятная. Власти революция не нужна: со времен перестройки историческая политика вытесняет революцию из умов российских граждан (Дворниченко, 2018: 117–168). В последнее десятилетие миф о революции все больше заменяется мифом о войне. Может быть, особенно ярко видно это в коммеморативных практиках. В 2011 г. была произведена реконструкция военного парада в годовщину революции в 1941 г. Парад этот повторили и в 2017 г. Изучающих современную историческую политику не должен обманывать и термин, официально принятый в последние годы – «Великая русская (или российская) революция», на самом деле, он только деформирует восприятие этого процесса и ученым, и просто читателем. Такая историческая политика приносит с каждым годом свои плоды, и в этой связи печалит даже не то, что в своей исторической памяти общество по-прежнему расколото по поводу Октябрьской революции (Колоницкий, 2018: 182) (Февральскую-то просто забыли), а то, что для школьников Октябрь значит уже не больше, чем дворцовые перевороты XVIII в. (Головашина, 2015: 15). Джина памяти нельзя загонять в бутылку. При таких обстоятельствах упрек, брошенный историкам Б.И. Колоницким в том, что они предпочитают находиться в «башне из слоновой кости» и, надо понимать, не участвуют в «рационализации исторического самосознания общества», видимо, не совсем справедлив. Хотя в том, что историки не стали «инициаторами какой-либо острой общественной дискуссии о революции» в юбилейный год, он, безусловно, прав (Колоницкий, 2017: 182).

3. Обсуждение и результаты

Впрочем, сделано немало. В ряду множества вышедших в этом году изданий выделяются: двухтомник «Российская революция 1917 года: Власть, общество, культура» под редакцией Ю.А. Петрова (Российская революция, 2017); сборник «Феномен революции в России: истоки и уроки. Страницы документальной истории», составленный А.В. Репниковым, Б.С. Котовым и П.Ю. Савельевым (Феномен революции, 2017); энциклопедия «Россия в 1917 г.» под редакцией А.К. Сорокина (Россия в 1917 году, 2017); юбилейный том ежегодника «Россия в эпоху революций и реформ. Проблемы истории и историографии» (Россия в эпоху революций и реформ, 2017), объемистая книга В.А. Никонова (Никонов, 2017). Этот список фундаментальных изданий, видимо, можно и увеличить. Но юбилейный «вал» литературы еще рельефнее обозначил те разногласия, а заодно и слабые места историографического поля, которые выявились гораздо раньше. На первом плане – теоретические, сущностные, так сказать, вопросы: что породило социальный взрыв в России (Петров, 2017: 3), могла ли Россия избежать революции (Шелохаев, Соловьев, 2018: 162), извечный российский вопрос «кто виноват» и многие другие.

В содержательной статье Ю.А. Петрова показано, что по-прежнему множество сторонников в нашей историографии имеет уже убежденная сединой теория модернизации. И не столь сейчас волнителен вопрос, нормальная она, эта модернизация, или догоняющая (Самохин, Королева, 2017). Эта пришедшая к нам с Запада теория, так же, как и там, на Западе, разделила наших историков на пессимистов и оптимистов (Петров, 2017: 6).

Главой оптимистов, а заодно и главным клиотерапевтом в нашей исторической науке является Б.Н. Миронов. В своих новейших публикациях он рассматривает русскую революцию в общем контексте модернизационных процессов Российской империи. Оценивая «достижения и провалы» отечественной экономики в условиях Первой мировой войны, историк развивает свою «оптимистическую» трактовку российской истории и приходит к выводу, что «не чрезвычайные трудности породили революцию, а революция породила чрезвычайные трудности. Удовлетворительная адаптация экономики к условиям военного времени в 1914–1916 гг. была результатом успешного развития России в пореформенный период» (Миронов, 2017а). Сопоставляя имперскую и советскую стратегии модернизации, Б.Н. Миронов приходит к заключению, что «по целям, средствам и результатам советская модернизация явилась ... продолжением» дореволюционной (Миронов, 2017а: 54). Другой смелый вывод исследователя состоит в следующем: «не забывая, что всякое обобщение схематизирует действительность, можно сказать, что на какое-то время вся страна превратилась в большую общину и во многом действовала на ее принципах... Жизнь в Советской России, как в деревне, так и в городе, стала строиться на принципах, характерных для дореволюционной русской общины, вследствие чего во всесоюзном масштабе во многих

отношениях был воспроизведен социальный строй русской передельной общины» (Миронов, 2018: 647–676).

Высоко оценивает Б.Н. Миронов и предреволюционную национальную политику империи, также в известной степени повлиявшую на исход «великих потрясений»: «отсутствие этнической дискриминации обеспечивалось достаточно гибкой этноконфессиональной политикой имперского этнопатернализма, которая уважала статус-кво присоединяемой территории и проживавшего на ней населения, широко сотрудничала с местными элитами, проявляла конфессиональную и этническую толерантность, создавала некоторые преимущества в правовом положении не русских сравнительно с русскими, предоставляла коренным народам аннексированных территорий права быть гражданскими субъектами наравне с русскими. Подобная “технология” управления этноконфессиональным разнообразием империи позволяла осуществлять постепенную, достаточно гибкую и непрямолинейную имперскую интеграцию и модернизацию традиционных обществ “окраин” и обеспечила долгое сохранение единства полиэтнической и поликонфессиональной Российской империи» (Миронов, 2017b: 177–178). Разумеется, подобную гибкость можно характеризовать и как непоследовательность. Кроме того, не следует забывать, что на «век национализмов» пришелся лишь сравнительно небольшой период имперской истории, собственно, и ставший для нее последним. Поэтому вывод об эффективности «имперского этнопатернализма» представляется не столь очевидным.

Впрочем, эти замечания не умаляют вклада Б.Н. Миронова в разработку истории и теории российских модернизационных процессов. Многие подходы исследователя нашли свое продолжение в работах других авторов: у него много сторонников, что ярко показало обсуждение его фундаментальной монографии еще накануне юбилейного года (Лярский, 2016 и др. статьи этого же выпуска журнала). Так, И.В. Поткина достаточно высоко оценивает социально-экономическое регулирование со стороны российской власти в годы Первой мировой войны (Поткина, 2017).

Все бы хорошо, да оптимисты оказываются поневоле пессимистами в оценке революционных корней: они попросту пропадают. И тогда на передний план прямо-таки инфернально выходит сама революция как эманация хаоса и разрушения. Можно это, конечно, назвать конспирологическими теориями, которые всегда имели сторонников в историографии (Петров, 2017: 6). Можно рассуждать более осторожно. Петербургский исследователь С.В. Куликов не без оснований отмечает искусственный характер «разведения понятий “заговор”, “переворот” и “революция”, которые в действительности являются этапами актуализации целостного феномена» (Куликов, 2017: 546). И все равно революция оказывается крепко сидящей на скамье обвиняемых: «Февраль нанес сокрушительный удар по экономике, уровню жизни, качеству управления, дал дорогу анархии, развалил армию, спровоцировал революционные бесчинства. Тяжелейшая ситуация, сложившаяся в стране за восемь месяцев правления Временного правительства, привела к новому взрыву революционных страстей, породила октябрьское восстание, заставила Россию выйти из войны и спровоцировала Гражданскую войну» (Миронов, 2017: 693). И тему эту, естественно, можно детализировать. Так, Ф.А. Селезнев и А.В. Евдокимов «развивают тезис историка Б.Н. Миронова о применении PR-технологий в политической борьбе в Российской империи в начале XX в., полагая, что контрэлита Российской империи накануне и в годы Первой мировой войны в борьбе за власть использовала ... PR-технологии, подразумевающие ведение диалога с обществом через средства массовой информации». Сквозь эту призму авторы рассматривают, в частности, знаменитое дело Сухомлинова (Селезнев, Евдокимов, 2017: 481).

Историки, однако, *причины* революции (даже в несколько приевшейся форме «кто виноват?») волнуют по-прежнему. Редакция одного из изданий предприняла интересный опыт, составив посвященный «великой и бескровной» опросник и разослав последний наиболее известным специалистам по 1917-му году. На четверть сотни исследователей пришлось 14 русских и 11 зарубежных авторов. В.В. Калашников так характеризует реализацию поставленной задачи: «Большинство авторов приняли достаточно жесткие “правила игры”, заложенные в вопросах, понимая их условность. Жесткость и условность заключались в том, что предложенные варианты предполагали определенную однозначность ответов, что было трудно сделать при анализе сложного многофакторного и меняющегося на разных стадиях процесса революции. В то же время такая жесткость заставляла каждого участника проекта определять именно главный из нескольких факторов и таким образом позволяла выявить концепцию революции, которой придерживался тот или иной автор» (Россия в эпоху революций, 2017: 137). Так вот, подавляющее большинство историков (22 из 25) или прямо назвали царизм виновником (большинство), или включили его в «совокупность факторов». Только три участника возложили вину за «революцию» на Думу и либералов (Россия в эпоху революций, 2017: 140, 151–153). Последнему российскому самодержцу предъявляют крупный счет (Шелохаев, Соловьев, 2018: 163–164), но неужели он во всем виноват?! Тогда, может быть, лучше конспирологические теории?

Пессимисты вроде бы в лучшем положении. В конце концов у них есть Первая мировая война. «По общему признанию прологом Великой российской» стала именно она (Петров, 2017: 3). Вот почему значимой вехой научного празднования юбилея стала книга В.П. Булдакова и Т.Г. Леонтьевой «Война, породившая революцию: Россия, 1914–1917», а также ее обсуждение

специалистами в рамках традиционной уже рубрики журнала «Российская история» – «Диалог о книге», в котором приняли участие Б.И. Колоницкий, У. Розенберг, В.Б. Аксенов, С.С. Войтиков и Ф.А. Гайда. Организовавший и подготовивший этот «круглый стол», А.В. Мамонов отмечает: «Пожалуй, меньше всего это – юбилейное издание, хотя невозможно не заметить его связь с прошедшим юбилеем начала Первой мировой войны, предстоящим столетием ее окончания и, конечно же, столетней годовщиной революционной катастрофы в России, непосредственно связанной с потрясениями военного времени (и ставшей самым крупным из них). Булдаков и Леонтьева – одни из немногих, решившихся пойти “против течения” и представить собственный (“единоличный” и “двуединный” одновременно) “авторский” взгляд на едва ли не всю совокупность проблем и противоречий русской истории 1914–1917 гг.» (Мамонов и др., 2017: 3).

Итак, война... Но ведь и пессимисты ныне признают, что она стала не столько прелюдией «Великого Октября», как провозглашали в советской историографии, сколько эпохальным событием, приведшим к социально-экономической трансформации Евразии и значительной части остального мира» (Петров, 2017: 3). Другими словами, по отношению к собственно нашей революции она несколько амбивалентна. Можно, конечно, подобно С.А. Нефедову, упор делать на душевое потребление, связанное с быстрым ростом населения, увеличением молодежи в возрастной структуре населения, что повышало агрессивность общества и т.д. (Петров, 2017: 5). Но такие воззрения уже подвергались убедительной критике со стороны оптимистов (Миронов, 2013). Не случайно теперь С.А. Нефедов сосредоточился на «репетиции Февральской революции», которой придает большое значение в генезисе самой революции. Он изучает волну стачек, которая прокатилась по Петрограду в октябре 1916 г. (Нефедов, 2016), а также события, непосредственно предшествовавшие революции. Оказывается, что «политические процессы накануне Февральской революции носили более сложный характер, чем казалось ранее. Вполне вероятен был вариант, что власть и оппозиция смогут договориться и осуществить реформу политической системы. Эта радикальная реформа была бы равносильна революции: она означала конец самодержавия и переход власти к выборному народному представительству. Однако остается открытым вопрос, как отреагировал бы на это народ: ведь продовольственный кризис продолжался и угроза голодного бунта сохранялась» (Нефедов, 2017; Нефедов, 2018). Рассуждения эти не так уж оригинальны, а главное, мало что разъясняют в поиске истоков революции. Вообще, складывается такое впечатление, что в поисках «причин» революции наша историческая наука заходит в некий тупик (Дворниченко, 2018: 117–168).

К сожалению, некая «клиотуманность» возникла не только вокруг причин, но и революции в целом. В последние годы здесь предлагались самые неожиданные решения, но явно не хватало теоретической составляющей. Юбилейный год многие акценты расставил более четко, но кардинальных решений не принес. На наш взгляд, попытки связать революцию со старообрядцами и их деятельностью (А.В. Пыжиков, О.Л. Шахназаров) удачно скорректированы более осторожным подходом В. Керова, который показал их роль между февралем и октябром: они стремились объединиться и принять как можно большую роль в строительстве нового государства, но придавали своим проектам сугубо хилиастическую окраску (Керров, 2017: 160). Может, одним мифом в нашей историографии станет меньше?! Но проблем с революцией меньше не становится...

Например, сколько она длилась. Причем проблема эта актуальна не только касательно «Великой русской революции» в целом, но каждой ее части: «революции 1905–1907 гг.», «Февральской» и «Октябрьской». Сохраняется тенденция расширять границы революции, что, собственно, и величие ее наращивает. Так, автор весьма содержательной работы А.Н. Медушевский кладет в основу периодизации русского революционного процесса развитие самого революционного мифа на всем протяжении его существования (1917–1991), точнее, «основанные на нем модификации легитимирующей формулы революционного режима, отраженные в его основополагающих конституционных актах» (Медушевский, 2017: 24). Кстати, тенденция расширительной трактовки революции характерна и для современной западной историографии. Из последних работ можно назвать книгу С. Смита, на которую у нас уже опубликована рецензия (Sablin, 2017).

Очень сложен и другой глубоко теоретический вопрос: что такое революция вообще и на российской почве в частности. Тут определения варьируются от «преодоления когнитивного диссонанса общества путем насильственного изменения государственного строя» (Медушевский, 2017: 18–19) до «...радикальной, системной трансформации всех сторон жизни общества (страны) в условиях слабого (рухнувшего) государства» (May, 2017: 6). Нехватка теоретических работ заставляет переводить труды почтенного возраста, уповая на то, что они дадут ответ на сермяжные вопросы (Скочпол, 2017).

Может, тут поможет компаративистика? Давней и почтенной является традиция соотнесения опыта русской революции с революциями иных европейских народов. Не случайно поэтому появление на страницах юбилейных выпусков отечественных научных журналов статей, посвященных англо-саксонским и германским «великим потрясениям». Так, В.Н. Борисенко и Л.В. Сидоренко апеллируют к традиции Славной революции, которая «сформировала повестку дня для современников, задав общее направление эволюции, а не догматический путь развития нации» (Borisenko, Sidorenko, 2017: 578). Воздействию «основных концепций из арсенала партий Английской революции середины XVII в. (индепендентов, левеллеров, республиканцев) на идеологов

политических партий тори и вигов в период Реставрации Стюартов и раннего Просвещения» посвящена статья Т.Л. Лабутиной (Лабутина, 2017). В.Н. Ерохин отмечает, что в ходе Английской буржуазной революции «парламентская оппозиция королевской власти перешла к революционным методам действия в начале 1640-х годов именно под влиянием религиозной по происхождению убежденности в своей правоте» (Ерохин, 2017). Новый (во всяком случае, для русского читателя) взгляд на американскую революционную традицию предлагает М.А. Пауэлл, рассматривающий внутреннюю политическую борьбу в Конфедеративных Штатах Америки как опыт отставания законности и конституционализма: «В статье оспаривается традиционная для современной историографии точка зрения, согласно которой правительство Конфедеративных Штатов Америки было самым централизованным правительством на территории Соединенных Штатов Америки до начала “нового курса” в 1930-е годы. Вместо этого в статье демонстрируется, что губернаторы штатов сумели поддержать и укрепить авторитет конституции и конституционной ответственности в тяжелое время борьбы за государственную независимость» (Powell, 2017). Ф. Мюллер в свою очередь противопоставляет кровавому русскому и англо-саксонскому опыту традиционную неорганизованность и гуманность доимперской немецкой политической культуры: «Многочисленные конфликты революции, социальные и национальные конфликты и даже политическое разделение на демократов и либералов не были слабостью революции. Скорее, отсутствие готовности к конфликту привело к провалу революции. С точки зрения современников, революция провалилась, но модернизирующие импульсы революции сформировали дальнейшее развитие» (Moeller, 2017: 601). Заметим, что упоминаем здесь зарубежных историков и их труды лишь постольку, поскольку они входят в контекст российской историографии. Кстати, считаем процесс такого «срачивания» весьма позитивным: к новым открытиям можно прийти только совместными усилиями.

Сравнивать «свою» революцию с чужими у нас начали давно (Дворниченко, 2018: 169–185). Однако сравнение это мало что может дать, пока не найдено место революции в общем ходе российской истории. А вот таких работ в нашей историографии крайне мало. Но ведь история российская началась не с Первой мировой войны и даже не с Петра Первого! Вот почему рядом с несколькими ветшающим зданием «революциологии» стало расти здание «смутоведения» (Марченя, Разин, 2010: 48–65). В самом деле, может быть, в нашей истории и вовсе не было революции (революций), может быть, события 1917 г. – это одна из смут, в очередной раз потрясших наш уникальный государственно-крепостнический строй? Несколько лет назад вопросы о смуте, о соотношении смуты и революции, об уникальности нашей смуты или сходстве ее с другими подобными явлениями породили в нашей историографии настоящую «смутную» волну. Обсуждение этой проблемы было продолжено и в юбилейном 2017/2018 году (Дворниченко, 2018; Дворниченко, 2018a).

Похоже, это может стать со временем трендом, что и не удивительно: сравнение со смутой (или кризисом империи на различных уровнях: этическом, идеологическом, политическом, организационном, социальном, охлократическом и рекреационном) (Петров, 2017: 8) так и просится на ум, когда берешься за изучение «Великой русской». Например, для В.П. Булдакова – автора многих трудов о революции – она именно «Красная Смута», деспотический итог которой определяется тем, что по своему характеру ближе она не к якобинству, а к Смутному времени начала XVII века (Булдаков, 2010: 657). Да и как-то ближе это общему ходу русской истории... (Дворниченко, 2010). Впрочем, дай Бог, чтобы мы решили эти «общие» вопросы российской революции хотя бы к следующему юбилею!

Что же касается отдельных, порой очень важных проблем, то юбилейный год порадовал. Ряд значимых исследовательских задач поставлен перед научным сообществом в статье В.В. Шелохаева, посвященной реформированию партийного пространства в России 1917 г. (Шелохаев, 2017: 40–41). Обширный обзор историографии русского революционного терроризма содержит публикация О.В. Будницкого (Будницкий, 2017). Своеобразный итог истории русского либерализма в 1917 г. подводят В.В. Шелохаев и К.А. Соловьев в публикации, посвященной либеральным оценкам Февраля (Шелохаев, Соловьев, 2018).

Перспективным направлением современной «революциологии» является изучение роли отдельных социальных групп. Так, Б.Н. Миронов обнаружил, что сексуально озабоченный, агрессивный настроенный российский пролетариат стал легкой добычей радикалов и революционеров (Миронов, 2017c). Вряд ли такой пролетариат мог претендовать на роль пресловутого гегемона. К подобным выводам пришел и М.А. Фельдман: «...ни о какой “пролетарской революции” речи идти не может. Сейчас стало ясно: словесная эквилибристика советского официоза заслонила как общедемократические нарративы, реальное воплощение которых зависело от целого комплекса обстоятельств, так и сущностное: “синергетический (а не линейный) процесс самосохранения сложноорганизованной имперской системы”. Фраза “большевики отнюдь не стали разрушать старую управленческую машину, а просто направили в соответствующие ведомства своих комиссаров” знаменательна и относится не только к событиям первых послеоктябрьских месяцев. Воинственность коммунистической идеологии, направленной на разрушение старого мира на всей планете, стала своеобразной базой возрождения Российской империи в оболочке социалистических одежд и лозунгов пролетарского интернационализма. Быстрый захват власти в столицах леворадикалами, опиравшимися на многочисленные армейские и флотские части и поддержку части промышленных

рабочих Петрограда и Москвы, наиболее продуктивно трактовать как *политический переворот в рамках антивоенного движения*» (Фельдман, 2017: 61).

П. Гетрелл обращается к «созданию в период Первой мировой войны категории беженца как объекта и бюрократического, и гуманитарного интереса» (Gatrell, 2017), А.Ю. Давыдов изучает «третий фронт Гражданской войны – мешочнический» (Давыдов, 2018). Отвечает духу времени обращение к «женскому вопросу»: И.М. Пушкарева и Н.Л. Пушкарева отмечают, что «у столь выдающегося события прошлого, как революция 1917 г. в России, было и “женское лицо”» (Пушкарева, Пушкарева, 2017: 73). Трудно не согласиться с тем, что «недовольство женщин имело “собственный голос”. При всей своей внутренней противоречивости, наличие разных “крыльев” и полюсов эти протесты играли особую роль на фоне нарастания революционных настроений в стране» (Пушкарева, Пушкарева, 2017: 96).

В «юбилейной» историографии была продолжена и тема соотношения имперских и революционных институций. Е.Н. Морозова и Д.И. Раскин считают, что «вопреки расхожему тезису о сломе старой государственной машины реальная практика первых лет советского режима включала в себя прежде всего овладение старым правительственным аппаратом и приспособление его к задачам новой власти. Выявленные источники демонстрируют стремление значительной части сотрудников дореволюционных учреждений сохранить свои места» (Морозова, Раскин, 2017: 21). Впрочем, как правило, подобные переходные институции все же носили временный характер, что хорошо показано П.Н. Гордеевым на примере Комиссариата Временного правительства над бывшим Министерством двора (Гордеев, 2017: 61). В любом случае, это в очередной раз ставит вопрос о характере российской революции или даже больше: была ли она именно *революцией*?

Но то, что Гражданская война, вызванная «революцией», и была гражданской войной – это уж точно. Большой вклад в разработку истории русского офицерства и его участия в революции и Гражданской войне внесли в последние годы Р.А. Гагкуев, А.В. Ганин, К.Б. Назаренко и В.В. Каминский. В 2017 и 2018 гг. вышли статьи, посвященные либо незаслуженно забытым персоналиям, либо малоисследованным эпизодам в жизни хорошо известных деятелей: С.Л. Маркова (Гагкуев, 2018), Г.М. Тихменева (Каминский, 2017), С.И. Одинцова (Каминский, 2017а) и др. Любопытно сделанное В.В. Каминским и поддержанное К.Б. Назаренко наблюдение о том, что участие генштабистов в РККА было вызвано прежде всего «социально-бытовой мотивацией» (Назаренко, 2017). Ярким примером последней является М.Д. Бонч-Бруевич, чья склонность к оппортунизму и доношительству «отражает сложившийся еще в имперскую эпоху среди российского офицерства приоритет частных и материально-бытовых интересов, для достижения которых использовались прежде всего личные “связи” и “выгодные знакомства”» (Каминский, Веремenco, 2018).

Не были обойдены вниманием и участники Белого движения. Ряд публикаций А.С. Пученкова посвящен последним месяцам врангелевского движения (Пученков, 2018), а также отдельным аспектам деятельности А.В. Колчака (Базанов, Пученков, 2018) и А.Н. Гришина-Алмазова (Пученков, 2017). Важным представляется вопрос и о роли в Белом движении русских монархистов. Так, И.В. Саблин анализирует причины неудачи «ультрароялистской и монархической риторики» в деле «мобилизации населения Дальнего Востока, которое не солидаризировалось с европоцентристскими образами прошлого и осуждало сотрудничество монархистов с Японией» (Sablin, 2017a). А.А. Иванов и А.А. Чемакин исследуют деятельность в 1919–1920 гг. Всероссийской народно-государственной партии В.М. Пуришкевича, в чьей программе в этот период «произошла существенная корректировка дореволюционных черносотенных программ» (Иванов, Чемакин, 2017: 119). Другая статья А.А. Иванова посвящена судьбам русских правых в роковом для них 1917 году (Иванов, 2017). Эту же проблему анализирует И.В. Омелянчук – применительно как к «черносотенному» движению в целом (Омелянчук, 2017), так и к отдельным его филиалам (Омелянчук, 2017a).

Важным представляется изучение роли в революционных событиях православной Церкви, а также иных российских деноминаций и конфессий. В статье М.А. Бабкина недавно еще возглавлявшийся К.П. Победоносцевым Св. Синод предстает в качестве одного из элементов «освободительного движения»: «основной мотив Св. Синода в ходе “революционной” правки богослужебных чинов и молитвословий заключался в желании уничтожить, свергнуть царскую власть как “харизматического конкурента”, обеспечить себе монополию на “ведение”, “обладание” и “распоряжение” “волей Божией” и на практике доказать свой тезис, согласно которому “священство выше царства”, “священство – вечно, божественно и непреложно, а царство земное – изменчиво, бренно и преходяще”. Именно по причине противостояния священства царству вопрос о теоретической возможности установления в России конституционной монархии даже не рассматривался официальными органами церковного управления... В период Февраля 1917 г. Святейший Синод ПРЦ выступил как орган, легитимирующий и в определенном смысле сакрализирующий новую власть, и в этом смысле он стал своеобразным инструментом социальных изменений, а не фактором консерватизма и стабильности» (Бабкин, 2017: 538–539).

В свою очередь, В. Керов обращается к политической активности старообрядчества: «...В течение всего периода между февралем и октябрём 1917 г. ревнители древнего благочестия стремились политически объединиться и принять как можно более активное участие в создании

нового государства и общества. Поддерживая Временное правительство и одобряя его преобразования, сторонники старой веры разрабатывали вполне демократические программы в духе кадетов, с которыми иногда блокировались на местных выборах» (Керров, 2018: 160).

Новые подходы продемонстрированы исследователями и в изучении истории левого движения. Так, М.Д. Стейнберг рассматривает биографию А. Коллонтай «через призму альтернативного определения утопического воображения, введенного только после 1917 г. преимущественно в трудах Эрнста Блоха, Вальтера Беньямина и Теодора Адорно» (Steinberg, 2017). В таком же ключе он изучает Льва Троцкого (Steinberg, 2017a) и Владимира Маяковского (Steinberg, 2017b).

Наконец, большое внимание уделяется исследователями восприятию русской революции ее современниками и потомками. В контексте проблемы революционного насилия В.Б. Аксенов анализирует слухи и настроения, будоражившие общество в 1917 г. (Аксенов, 2017). Интересны здесь и свидетельства проживавших в российской провинции швейцарцев Ж.-А. Ламберта и И.-А. Хофера (Тихонова, 2017). А.В. Репников, исследуя преломление событий 1917 г. в зеркале сатиры того времени, делает знаменательный вывод: «весь революционный год сатира была на поражение. Такое торжество отрицания всех и вся в определенной мере нравилось уставшему и озлобленному обывателю, но в итоге тотальное осмеяние (по сути, поругание) всего оставило выжженную пустыню в душах» (Репников, 2017: 174).

Как бы подтверждает волошинское пророчество о том, что «вчерашний раб, усталый от свободы, взропщит, требуя цепей» К.В. Годунов. Обращаясь к первой «годовщине великого Октября», этот исследователь отмечает насыщенность большевистского нарратива того времени «религиозными метафорами и аллюзиями» (Годунов, 2018: 447). Е.Н. Метелкин и Т.Е. Сохор, опираясь на материалы отечественной филателии, говорят о трансформации советской эстетики «от ранних романтических образов Республики к атрибутам сурово-идейной государственности» (Метелкин, Сохор: 2018: 462). Более общий очерк истории «индустрии памяти о революции 1917 г.» дает в своей статье В.В. Тихонов (Тихонов, 2017: 12). Т.А. Филиппова, рассуждая о месте большевизма в русской политической культуре, отмечает: «Роль обрушения ценностной вертикали прежней власти и замены ее неосакральностью большевистского образа; реальность или утопичность демократической альтернативы в российской революции; причины слабости либерального курса и краха многопартийности; конспирология “заговора” в “подтексте” большевистского переворота; спор о сути большевизма (торжество архаики над “модерном” революции или утилизация традиционной “почвы” для целей модернизации?); ответственность общества перед культурой и культуры перед обществом на переломном этапе отечественной истории... Эти и многие другие политико-культурные темы по-своему прочитываются на каждом новом историческом этапе научного осмысления революции 1917 г.» (Филиппова, 2017: 91).

4. Заключение

По необходимости краткий обзор юбилейной историографии все же дает возможность подвести некоторые, пусть и промежуточные, итоги. В новейшей отечественной «революциологии» все меньше мишурного блеска перестроечной публицистики. Заметно поубавилось и нищеты партийного официоза. Считаем, что достаточно неплохо идет накопление фактического и теоретического материала, подготовка площадки для дальнейшего успешного старта в забеге за научными истинами.

Литература

- Аксенов, 2017 – Аксенов В.Б. Революция и насилие в воображении современников: слухи и эмоции «медового месяца» 1917 г. // *Российская история*. 2017. № 2. С. 17–32.
- Бабкин, 2017 – Бабкин М.А. Святейший Синод Православной российской церкви и свержение монархии // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2017. Т. 62. Вып. 3. С. 522–544.
- Базанов, Пученков, 2018 – Базанов П.Н., Пученков А.С. «Правитель Омский» и его дипломатия // *Российская история*. 2018. № 2. С. 189–192.
- Будницкий, 2017 – Будницкий О.В. Революционный терроризм в Российской империи: историография последних лет (2000–2015) // *Российская история*. 2017. № 3. С. 119–137.
- Булдаков, 2010 – Булдаков В.П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. 2-е изд., доп. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2010. 967 с.
- Гакгуев, 2018 – Гакгуев Р.Г. Генерал С.Л. Марков в январе–апреле 1917 г. // *Новейшая история России*. 2018. Т. 8. № 2. С. 368–385.
- Годунов, 2018 – Годунов К.В. Празднование первой годовщины Октября и ожидания мировой революции // *Новейшая история России*. 2018. Т. 8. № 2. С. 441–448.
- Головашина, 2015 – Головашина О. В. Октябрьская революция: история образа (по материалам советских журналов) // *Internum*. 2015. № 1 (10). С. 13–31.
- Гордеев, 2017 – Гордеев П.Н. Комиссариат Временного правительства над бывшим Министерством двора // *Российская история*. 2017. № 2. С. 59–78.
- Давыдов, 2018 – Давыдов А.Ю. Третий фронт Гражданской войны в России: мешочничество в прорыве большевистской осады деревни // *Новейшая история России*. 2018. Т. 8. № 2. С. 337–354.

- Дворниченко, 2010** – Дворниченко А.Ю. Российская история с древнейших времен до падения самодержавия. М.: Изд-во «Весь Мир», 2010. 944 с.
- Дворниченко, 2018** – Дворниченко А.Ю. Прощание с Революцией. М.: Издательство «Весь Мир», 2018. 272 с.
- Дворниченко, 2018a** – Дворниченко А.Ю. Смута как фактор российской истории // *Вестник Петербургского университета. История*. 2018. Т. 63. Вып. 3 (в печати).
- Ерохин, 2017** – Ерохин В.Н. Религиозный фактор в происхождении Английской революции // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2017. Т. 62. Вып. 3. С. 560–576.
- Иванов, 2017** – Иванов А.А. «Черная сотня сгнула в подполье»: русские правые и революция 1917 г. // *Российская история*. 2017. № 2. С. 42–59.
- Иванов, Чемакин, 2017** – Иванов А.А., Чемакин А.А. Всероссийская народно-государственная партия В.М. Пуришкевича: программа, структура и печатные органы // *Новейшая история России*. 2017. № 2 (19). С. 98–119.
- Каминский, 2017** – Каминский В.В. За него ручался сам Л.Д. Троцкий: Генерального штаба генерал-майор Г.М. Тихменев и его судьба // *Новейшая история России*. 2017. № 3 (20). С. 91–99.
- Каминский, 2017a** – Каминский В.В. Русский «генштабист», дважды спасенный Л.Д. Троцким: Генерального штаба генерал-майор С.И. Одинцов // *Новейшая история России*. 2017. № 4 (21). С. 45–55.
- Каминский, Веретенко, 2018** – Каминский В.В., Веретенко В.А. М.Д. Бонч-Бруевич – один из основателей Красной Армии: страницы биографии // *Новейшая история России*. 2018. Т. 8. № 1. С. 57–69.
- Керов, 2018** – Керов В. Старообрядчество в 1917 г. // *Российская история*. 2018. № 1. С. 143–160.
- Колоницкий, 2018** – Колоницкий Б.И. Юбилейный год и историки революции // *Российская история*. 2018. № 1. С. 181–187.
- Куликов, 2017** – Куликов С.В. Февральская революция спустя сто лет // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2017. Т. 62. Вып. 3. С. 545–559.
- Лабутина, 2017** – Лабутина Т.Л. Наследие английской революции в идеологии ранних политических партий // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2017. Т. 62. Вып. 3. С. 587–600.
- Лярский, 2016** – Лярский А.Б. Историческое исследование российской модернизации // *Былые годы*. 2016. Т. 41-1. Вып. 3-1. С. 908–916.
- Мамонов и др., 2017** – Мамонов А.В., Колоницкий Б.И., Розенберг У., Аксенов В.Б., Войтиков С.С., Гайда Ф.А. В.П. Булдаков, Т.Г. Леонтьева. Война, породившая революцию // *Российская история*. 2017. № 5. С. 3–29.
- Марченя, Разин, 2010** – Марченя П.П., Разин С.Ю. «Смутоведение» как «гордиев узел» росиеведения: от империи к смуте, от смуты к...? // *Россия и современный мир*. 2010. № 4. С. 48–65.
- Мау, 2017** – Мау В.А. Революция: механизмы, предпосылки и последствия радикальной общественной трансформации. М.: Изд-во института Гайдара, 2017. 340 с.
- Медушевский, 2017** – Медушевский А.Н. Политическая история русской революции: Нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 656 с.
- Метелкин, Сохор, 2018** – Метелкин Е.Н., Сохор Т.Е. Метаморфозы символов Октябрьской революции 1917 г. на коммеморативных марках РСФСР, СССР и Российской Федерации // *Новейшая история России*. 2018. Т. 8. № 2. С. 441–468.
- Миронов, 2017** – Миронов Б.Н. Погрузившая в смуту и укравшая победу революция // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2017. Т. 62. Вып. 4. С. 693–716.
- Миронов, 2013** – Миронов Б.Н. Страсти по революции. Нравы в российской историографии в век информации. М.: Издательство «Весь Мир», 2013. 336 с.
- Миронов, 2017a** – Миронов Б.Н. Достижения и провалы российской экономики в годы Первой мировой войны // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2017. Т. 62. Вып. 3. С. 463–480.
- Миронов, 2018** – Миронов Б.Н. Модернизация имперская и советская // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2018. Т. 63. Вып. 1. С. 54–82.
- Миронов, 2017b** – Миронов Б.Н. Об этнической дискриминации в позднеимперской России // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2017. Т. 62. Вып. 1. С. 164–185.
- Миронов, 2017c** – Миронов Б.Н. Социальная природа, психологический облик и роль пролетариата в революционном движении // *Былые годы*. 2017. Т. 44. Вып. 2. С. 680–711.
- Морозова, Раскин, 2017** – Морозова Е.Н., Раскин Д.И. Становление советской государственности: использование имперского наследия в сфере центрального управления // *Новейшая история России*. 2017. № 3 (20). С. 7–23.
- Назаренко, 2017** – Назаренко К.Б. Русские морские офицеры в 1917–1921 гг. // *Российская история*. 2017. № 6. С. 129–137.

- Нефедов, 2017 – Нефедов С.А. Неизвестная Февральская революция // *Новейшая история России*. 2017. № 4 (21). С. 7–21.
- Нефедов, 2018 – Нефедов С.А. Неизвестная февральская революция (часть 2) // *Новейшая история России*. 2018. Т. 8. № 1. С. 29–44.
- Нефедов, 2016 – Нефедов С.А. Репетиция Февральской революции // *Былые годы*. 2016. Т. 42. Вып. 4. С. 1378–1385.
- Никонов, 2017 – Никонов В.А. Октябрь 1917. Кто был ничем, тот станет всем. М.: Эксмо, 2017. 1187 с.
- Омельянчук, 2017 – Омельянчук И.В. Монархисты в 1905–1917 гг.: от триумфа к катастрофе // *Вопросы истории*. 2017. № 7. С. 3–21.
- Омельянчук, 2017а – Омельянчук И.В. Провинциальная контрреволюция: Иваново-Вознесенская самодержавно-монархическая партия в 1905–1917 гг. // *Российская история*. 2017. № 2. С. 113–130.
- Петров, 2017 – Петров Ю.А. Россия накануне Великой революции 1917 г.: современные историографические тенденции // *Российская история*. 2017. № 2. С. 3–16.
- Поткина, 2017 – Поткина И.В. Социально-экономическое регулирование в годы Первой мировой войны и революция // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2017. Т. 62. Вып. 4. С. 717–735.
- Пученков, 2017 – Пученков А.С. «Одесский Наполеон»: из биографии А.Н. Гришина-Алмазова // *Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документально наследие*. Омск: Омский государственный университет, 2017. С. 282–291.
- Пученков, 2018 – Пученков А.С. 1920 год: агония белого Крыма // *Россия на переломе: войны, революции, реформы. XX век*. СПб.: Лемма, 2018. С. 175–203.
- Пушкарева, Пушкарева, 2017 – Пушкарева И.М., Пушкарева Н.Л. Женское движение в общественно-политической жизни России 1914–1917 гг. (некоторые итоги изучения проблемы в отечественной историографии) // *Российская история*. 2017. № 5. С. 73–96.
- Репников, 2017 – Репников А.В. 1917 год в зеркале сатиры, дневниках и воспоминаниях современников // *Россия XXI*. 2017. № 1. С. 160–186.
- Российская революция – Российская революция 1917 года: Власть, общество, культура. М.: РОССПЭН, 2017. 1336 с.
- Россия в 1917 году – Россия в 1917 году: Энциклопедия / [Отв. редактор А.К. Сорокин]. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 1095 с.
- Россия в эпоху революций и реформ, 2017 – Россия в эпоху революций и реформ. Проблемы истории и историографии. 2017. Т. 5. Февральская революция 1917 г. 378 с.
- Самохин, Королева, 2017 – Самохин К.В., Королева Л.Ю. Военный фактор и мобилизационно-волновой механизм как главные характеристики модернизации России имперского периода // *Былые годы*. 2017. Т. 46. Вып. 4. С. 1220–1228.
- Селезнев, Евдокимов, 2017 – Селезнев Ф.А., Евдокимов А.В. Некоторые обстоятельства отставки военного министра Сухомлинова // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2017. Т. 62. Вып. 3. С. 481–496.
- Скочпол, 2017 – Скочпол Т. Государства и социальные революции: сравнительный анализ Франции, России и Китая. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. 552 с.
- Тихонов, 2017 – Тихонов В.В. Революция 1917 г. в коммеморативных практиках и исторической политике советской эпохи // *Российская история*. 2017. № 2. С. 92–112.
- Тихонова, 2017 – Тихонова А.В. Свидетельства «русских швейцарцев» о революционных событиях 1917 г. // *Вопросы истории*. 2017. № 6. С. 70–80.
- Фельдман, 2017 – Фельдман М.А. Промышленные рабочие России в 1917 г.: подходы к «социалистической» революции // *Российская история*. 2017. № 5. С. 44–61.
- Феномен революции, 2017 – Феномен революции в России: истоки и уроки. Страницы документальной истории / Сост. А.В. Репников, Б.С. Кротов, П.Ю. Савельев. М., 2017. 716 с.
- Филиппова, 2017 – Филиппова Т.А. Братание идеи со штыком. Политико-культурные смыслы Великой российской революции // *Российская история*. 2017. № 2. С. 78–92.
- Шелохаев, 2017 – Шелохаев В.В. Переформатирование партийного пространства в России в 1917 г. (историографические итоги и исследовательские задачи) // *Российская история*. 2017. № 2. С. 32–41.
- Шелохаев, Соловьев, 2017 – Шелохаев В.В., Соловьев К.А. Либеральные оценки Февральской революции 1917 года // *Новейшая история России*. 2017. № 2 (19). С. 33–43.
- Шелохаев, Соловьев, 2018 – Шелохаев В.В., Соловьев К.А. Февраль в тени Октября (историографические итоги и исследовательские задачи) // *Российская история*. 2018. № 1. С. 161–171.
- Borisenko, Sidorenko, 2017 – Borisenko V.N., Sidorenko L.V. Problems of definition and periodisation of the Glorious revolution in England // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2017. Т. 62. Вып. 3. С. 577–586.
- Gatrell, 2017 – Gatrell P. Refugee history and refugees in Russia during and after the First World War // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2017. Т. 62. Вып. 3. С. 497–521. С. 517–518.

- Mironov, 2018 – Mironov B.N. Imperial, Soviet, and Post-Soviet Modernisation // *Bylye Gody*. 2018. 48:(2). pp. 647–676.
- Moeller, 2017 – Moeller F. The German revolution of 1848–1849 – new perspectives // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2017. Т. 62. Вып. 3. С. 601–612.
- Powell, 2017 – Powell M.A. The conscription act of April 1862 as a constitutional challenge in the confederate revolution // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2017. Т. 62. Вып. 3. С. 613–626.
- Sablin, 2017 – Sablin I.V. A History for the Centenary of the Russian Revolution // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2017. Т. 62. Вып. 3. С. 638–644.
- Sablin, 2017a – Sablin I.V. Nationalist mobilization in the Russian Far east during the closing phase of the civil war // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2017. Т. 62. Вып. 1. С. 18–25.
- Steinberg, 2017 – Steinberg M.D. Alexandra Kollontai and the utopian imagination in the Russian revolution // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2017. Т. 62. Вып. 3. С. 436–448.
- Steinberg, 2017a – Steinberg M.D. Lev Trotsky and the utopian imagination in the Russian revolution // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2017. Т. 62. Вып. 4. С. 664–673.
- Steinberg, 2017b – Steinberg M.D. Vladimir Mayakovsky and the Utopian Imagination in the Russian Revolution // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2018. Т. 63. Вып. 1. С. 83–91.

References

- Aksenov, 2017 – Aksenov V.B. (2017). Revolyuciya i nasilie v voobrazhenii sovremennikov: sluhi i ehmocii «medovogo mesyaca» 1917 g. [Revolution and violence in the imagination of contemporaries: rumors and emotions of the "honeymoon" of 1917]. *Rossijskaya istoriya*. №2. pp. 17-32. [in Russian]
- Babkin, 2017 – Babkin M.A. (2017). Svyatejshij Sinod Pravoslavnoj rossijskoj cerkvi i sverzhenie monarhii [The Most Holy Synod of the Orthodox Russian Church and the overthrow of the monarchy]. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. Vol. 62. Issue 3. pp. 522–544. [in Russian]
- Bazanov, Puchenkov, 2018 – Bazanov P.N., Puchenkov A.S. (2018). «Pravitel' Omskij» i ego diplomatiya ["Ruler of Omsk" and his diplomacy]. *Rossijskaya istoriya*. №2. pp. 189-192. [in Russian]
- Borisenko, Sidorenko, 2017 – Borisenko V.N., Sidorenko L.V. (2017). Problems of definition and periodisation of the Glorious revolution in England. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. Vol. 62. Issue 3. pp. 577–586.
- Budnickij, 2017 – Budnickij O.V. (2017). Revolyucionnyj terrorism v Rossijskoj imperii: istoriografiya poslednih let (2000-2015) [Revolutionary Terrorism in the Russian Empire: Historiography of the Last Years (2000-2015)]. *Rossijskaya istoriya*. №3. pp. 119-137. [in Russian]
- Buldakov, 2010 – Buldakov V.P. (2010). Krasnaya smuta: Priroda i posledstviya revolyucionnogo nasiliya [Red Troubles: The Nature and Consequences of Revolutionary Violence]. 2-e izd., dop. M.: Rossijskaya politicheskaya ehnciklopediya (ROSSPEN); Fond «Prezidentskij centr B. N. El'cina». 976 p. [in Russian]
- Gatrell, 2017 – Gatrell P. (2017). Refugee history and refugees in Russia during and after the First World War. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. Vol. 62. Issue 3. pp. 497–521. pp. 517-518.
- Gagkuev, 2018 – Gagkuev R.G. (2018). General S.L. Markov v yanvare – aprele 1917 g. [General S.L. Markov in January-April 1917]. *Novejshaya istoriya Rossii*. Т. 8. № 2. pp. 368–385. [in Russian]
- Godunov, 2018 – Godunov K.V. (2018). Prazdnovanie pervoj godovshchiny Oktyabrya i ozhidaniya mirovoj revolyucii [Celebration of the first anniversary of October and the expectation of a world revolution]. *Novejshaya istoriya Rossii*. Т. 8. № 2. pp. 441–448.
- Golovashina, 2015 – Golovashina O.V. (2015). Oktyabr'skaya revolyuciya: istoriya obraza (po materialam sovetских zhurnalov) [October revolution: the history of the image (based on the materials of Soviet journals)]. *Internum*. № 1 (10). pp. 13-31. [in Russian]
- Gordeev, 2017 – Gordeev P.N. (2017). Komissariat Vremennogo pravitel'stva nad byvshim Ministerstvom dvora [Commissariat of the Provisional Government over the former Ministry of the Court]. *Rossijskaya istoriya*. №2. pp. 59-78. [in Russian]
- Davydov, 2018 – Davydov A.Yu. (2018). Tretij front Grazhdanskoj vojny v Rossii: meshochnichestvo v proryve bol'shevistskoj osady derevni [Third Civil War in Russia: sacking in the breakthrough of the Bolshevik siege of the village]. *Novejshaya istoriya Rossii*. Т. 8. № 2. pp. 337–354. [in Russian]
- Dvornichenko, 2018 – Dvornichenko A.Yu. (2018). Proshchanie s Revolyuciej [Farewell to the Revolution]. M.: Izdatel'stvo «Ves' Mir». 272 p. [in Russian]
- Dvornichenko, 2010 – Dvornichenko A.Yu. (2010). Rossijskaya istoriya s drevnejshih vremen do padeniya samodержaviya [Russian history from ancient times to the fall of the autocracy]. M.: Izd-vo «Ves' Mir». 944 p. [in Russian]
- Dvornichenko, 2018a – Dvornichenko A.Yu. (2018). Smuta kak faktor rossijskoj istorii [Troubles as a factor in Russian history]. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. Vol. 63. Issue 3 (v pechati). [in Russian]

Erokhin, 2017 – *Erokhin V.N.* (2017). Religioznyj faktor v proiskhozhdenii Anglijskoj revolyucii [Religious factor in the origin of the English Revolution]. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. Vol. 62. Issue 3. pp. 560–576. [in Russian]

Fel'dman, 2017 – *Fel'dman M.A.* Promyshlennye rabochie Rossii v 1917 g.: podhody k «socialisticheskoy» revolyucii [Industrial workers of Russia in 1917: approaches to the "socialist" revolution] // *Rossijskaya istoriya*. 2017. №5. P. 44-61. [in Russian].

Fenomen revolyucii, 2017 – Fenomen revolyucii v Rossii: istoki i uroki. Stranicy dokumental'noj istorii [The Phenomenon of the Revolution in Russia: Origins and Lessons. Pages of documentary history]. Sost. A.V. Repnikov, B.S. Krotov, P.YU. Savel'ev. M., 2017. 716 p. [in Russian]

Filippova, 2017 – *Filippova T.A.* (2017). Bratanie idei so shtykom. Politiko-kul'turnye smysly Velikoj rossijskoj revolyucii [Brotherhood ideas with bayonets. Politico-cultural meanings of the Great Russian Revolution]. *Rossijskaya istoriya*. №2. pp. 78-92. [in Russian]

Ivanov, 2017 – *Ivanov A.A.* (2017). «Chyornaya sotnya sginula v podpol'e»: russkie pravye i revolyuciya 1917 g. ["The Black Hundred Died Into the Underground": Russian Right and Revolution of 1917]. *Rossijskaya istoriya*. №2. pp. 42-59. [in Russian]

Ivanov, Chemakin, 2017 – *Ivanov A.A., Chemakin A.A.* (2017). Vserossijskaya narodno-gosudarstvennaya partiya V.M. Purishkevicha: programma, struktura i pechatnye organy [All-Russia People's State Party V.M. Purishkevich: program, structure and printed bodies]. *Novejshaya istoriya Rossii*. № 2 (19). pp. 98–119. [in Russian]

Kaminskij, 2017 – *Kaminskij V.V.* (2017). Za nego ruchalsya sam L. D. Trockij: General'nogo shtaba general-major G. M. Tihmenev i ego sud'ba [For him, Leon Trotsky himself vouched: the General Staff, Major-General G. Tikhmenev and his fate]. *Novejshaya istoriya Rossii*. 2017. № 3 (20). pp. 91–99. [in Russian]

Kaminskij, 2017a – *Kaminskij V.V.* (2017). Russkij «genshtabist», dvazhdy spasennyj L.D. Trockim: General'nogo shtaba general major S.I. Odincov [Russian "General Staff" twice rescued by Leonid Trotsky: General Staff General Mayor S.I. Odintsov]. *Novejshaya istoriya Rossii*. № 4 (21). pp. 45–55. [in Russian]

Kaminskij, Veremenko, 2018 – *Kaminskij V.V., Veremenko V.A.* (2018). M.D. Bonch-Bruevich — odin iz osnovatelej Krasnoj Armii: stranicy biografii [M.D. Bonch-Bruevich - one of the founders of the Red Army: pages of biography]. *Novejshaya istoriya Rossii*. T. 8. № 1. pp. 57–69. [in Russian]

Kerov, 2018 – *Kerov V.* (2018). Staroobryadchestvo v 1917 g. [Old Belief in 1917]. *Rossijskaya istoriya*. №1. pp. 143-160. [in Russian]

Kolonickij, 2018 – *Kolonickij B.I.* (2018). Yubilejnyj god i istoriki revolyucii [Anniversary year and historians of revolution]. *Rossijskaya istoriya*. №1. pp. 181-187. [in Russian]

Kulikov, 2017 – *Kulikov C.V.* (2017). Fevral'skaya revolyuciya spustya sto let [The February Revolution a hundred years later]. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. Vol. 62. Issue 3. pp. 545–559. [in Russian]

Labutina, 2017 – *Labutina T.L.* (2017). Nasledie anglijskoj revolyucii v ideologii rannih politicheskijh partij [The Legacy of the English Revolution in the Ideology of Early Political Parties]. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. Vol. 62. Issue 3. pp. 587-600. [in Russian]

Lyarskij, 2016 – *Lyarskij A.B.* (2016). Istoricheskoe issledovanie rossijskoj modernizacii [Historical research of the Russian modernization]. *Bylye Gody*. T. 41-1. V. 3-1. pp. 908–916. [in Russian]

Mamonov et al., 2017 – *Mamonov A.V., Kolonickij B.I., Rozenberg U., Aksenov V.B., Vojtkov S.S., Gajda F.A.* (2017). V.P. Buldakov, T.G. Leont'eva. Vojna, porodivshaya revolyuciyu [V.P. Buldakov, T.G. Leontieva. The war that gave rise to the revolution]. *Rossijskaya istoriya*. №5. pp. 3-29. [in Russian]

Marchenya, Razin, 2010 – *Marchenya P.P., Razin S.Yu.* (2010). «Smutovedenie» kak «gordiev uzal» rossievedeniya: ot imperii k smute, ot smuty k..? ["Smutology" as a "Gordian knot" of Russian studies: from empire to distemper, from troubles to ..?]. *Rossiya i sovremennyj mir*. № 4. pp. 48–65. [in Russian]

Mau, 2017 – *Mau V.A.* (2017). Revolyuciya: mekhanizmy, predposylki i posledstviya radikal'noj obshchestvennoj transformacii [Revolution: mechanisms, prerequisites and consequences of radical social transformation]. M.: Izd-vo instituta Gajdara. 340 p. [in Russian]

Medushevskij, 2017 – *Medushevskij A.N.* (2017). Politicheskaya istoriya russkoj revolyucii: Normy, instituty, formy social'noj mobilizacii v XX veke [Political History of the Russian Revolution: Norms, Institutions, Forms of Social Mobilization in the Twentieth Century]. M.; SPb.: Centr gumanitarnyh iniciativ, 378 p. [in Russian]

Metelkin, Sohor, 2018 – *Metyolkin E.N., Sohor T.E.* (2018). Metamorfozy simvolov Oktyabr'skoj revolyucii 1917 g. na kommemorativnyh markah RSFSR, SSSR i Rossijskoj Federacii [Metamorphoses of the symbols of the October Revolution of 1917 on commemorative stamps of the RSFSR, the USSR and the Russian Federation]. *Novejshaya istoriya Rossii*. T. 8. № 2. pp. 441–468. [in Russian]

Mironov, 2017 – *Mironov B.N.* (2017). Pogruzivshaya v smutu i ukravshaya pobedu revolyuciya [Immersed in a turmoil and stolen victory revolution]. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. Vol. 62. Issue 4. pp. 693–716. [in Russian]

- Mironov, 2013** – Mironov B.N. (2013). Strasti po revolyucii. Nравы v rossijskoj istoriografii v vek informacii [Passion for the revolution. Morals in Russian historiography in the information age]. M.: Izdatel'stvo «Ves' Mir». [in Russian]
- Mironov, 2017a** – Mironov B.N. (2017). Dostizheniya i provaly rossijskoj ehkonomiki v gody Pervoj mirovoj vojny [Achievements and failures of the Russian economy during the First World War]. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. Vol. 62. Issue 3. pp. 463–480.
- Mironov, 2018** – Mironov B.N. (2018). Modernizaciya imperskaya i sovetskaya [Modernization of the imperial and Soviet]. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. Vol. 63. Issue 1. pp. 54–82. [in Russian]
- Mironov, 2017b** – Mironov B.N. (2017). Ob ehnticheskoj diskriminacii v pozdneimperskoj Rossii [On ethnic discrimination in the late imperial Russia]. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. Vol. 62. Issue 1. pp. 164–185. [in Russian]
- Mironov, 2017c** – Mironov B.N. (2017). Social'naya priroda, psihologicheskij oblik i rol' proletariata v revolyucionno dvizhenii [Social nature, psychological appearance and the role of the proletariat in the revolutionary movement]. *Bylye gody*. T. 44. V. 2. pp. 680–711. [in Russian]
- Mironov, 2018** – Mironov B.N. (2018). Imperial, Soviet, and Post-Soviet Modernisation. *Bylye gody*. T. 48. V. 2. pp. 647–676. [in Russian]
- Moeller, 2017** – Moeller F. (2017). The German revolution of 1848–1849 – new perspectives. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. Vol. 62. Issue 3. pp. 601–612.
- Morozova, Raskin, 2017** – Morozova E.N., Raskin D.I. (2017). Stanovlenie sovetskoj gosudarstvennosti: ispol'zovanie imperskogo naslediya v sfere central'nogo upravleniya [Formation of Soviet statehood: the use of the imperial heritage in the sphere of central administration]. *Novejshaya istoriya Rossii*. № 3 (20). pp. 7–23. [in Russian]
- Nazarenko, 2017** – Nazarenko K.B. (2017). Russkie morskije oficery v 1917–1921 gg. [Russian naval officers in 1917–1921]. *Rossijskaya istoriya*. №6. pp. 129–137. [in Russian]
- Nefedov, 2018** – Nefedov S.A. (2018). Neizvestnaya fevral'skaya revolyuciya (chast' 2) [The Unknown February Revolution (part 2)]. *Novejshaya istoriya Rossii*. T. 8. № 1. [in Russian]
- Nefedov, 2017** – Nefedov S.A. (2017). Neizvestnaya Fevral'skaya revolyuciya [The Unknown February Revolution]. *Novejshaya istoriya Rossii*. № 4 (21). pp. 7–21. [in Russian]
- Nefedov, 2016** – Nefedov S.A. (2016). Repeticiya Fevral'skoj revolyucii [Rehearsal of the February Revolution]. *Bylye gody*. T. 42. Vyp. 4. pp. 1378–1385. [in Russian]
- Nikonov, 2017** – Nikonov V.A. (2017). Oktyabr' 1917. Kto byl nichem, tot stanet vsem [October 1917. Who was nothing, that will become everything]. M.: EHksmo. 1187 p. [in Russian]
- Omel'yanchuk, 2017** – Omel'yanchuk I.V. (2017). Monarhisty v 1905–1917 gg.: ot triumfa k katastrofe [Monarchists in 1905–1917: from triumph to catastrophe]. *Voprosy istorii*. №7. pp. 3–21. [in Russian]
- Omel'yanchuk, 2017a** – Omel'yanchuk I.V. (2017). Provincial'naya kontrrevolyuciya: Ivanovo-vozneshenskaya samodержavno-monarhicheskaya partiya v 1905–1917 gg. [Provincial counterrevolution: the Ivanovo-Voznesensk autocratic-monarchist party in 1905–1917]. *Rossijskaya istoriya*. №2. pp. 113–130. [in Russian]
- Petrov, 2017** – Petrov Y.A. (2017). Rossiya nakanune Velikoj revolyucii 1917 g.: sovremennye istoriograficheskie tendencii [Russia on the eve of the Great Revolution of 1917: modern historiographic tendencies]. *Rossijskaya istoriya*. № 2. pp. 3–16. [in Russian]
- Potkina, 2017** – Potkina I.V. (2017). Social'no-ehkonomicheskoe regulirovanie v gody Pervoj mirovoj vojny i revolyuciya [Socio-economic regulation during the First World War and the revolution]. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. Vol. 62. Issue 4. pp. 717–735. [in Russian]
- Powell, 2017** – Powell M.A. (2017). The conscription act of April 1862 as a constitutional challenge in the confederate revolution. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. Vol. 62. Issue 3. pp. 613–626.
- Puchenkov, 2017** – Puchenkov A.S. (2017). «Odesskij Napoleon»: iz biografii A.N. Grishina-Almazova [“Odessa Napoleon”: from the biography of A.N. Grishina-Almazova]. *Grazhdanskaya vojna na vostoce Rossii: vzglyad skvoz' dokumental'no nasledie*. Omsk: Omskij gosudarstvennyj universitet, pp. 282–291. [in Russian]
- Puchenkov, 2018** – Puchenkov A.S. (2018). 1920 god: agoniya belogo Kryma [1920: the agony of the White Crimea]. *Rossiya na perelome: vojny, revolyucii, reformy. XX vek*. SPb.: Lemma. pp. 175–203. [in Russian]
- Pushkareva, Pushkareva, 2017** – Pushkareva I.M., Pushkareva N.L. (2017). Zhenskoe dvizhenie v obshchestvenno-politicheskoj zhizni Rossii 1914–1917 gg. (nekotorye itogi izucheniya problemy v otechestvennoj istoriografii) [The women's movement in the social and political life of Russia in 1914–1917. (Some results of the study of the problem in Soviet historiography)]. *Rossijskaya istoriya*. №5. pp. 73–96. [in Russian]
- Repnikov, 2017** – Repnikov A.V. (2017). 1917 god v zerkale satiry, dnevnikah i vospominaniyah sovremennikov [1917 in the mirror of satire, diaries and memoirs of contemporaries]. *Rossiya XXI*. №1. pp. 160–186. [in Russian]
- Rossijskaya revolyuciya** – Rossijskaya revolyuciya 1917 goda: Vlast', obshchestvo, kul'tura [The Russian Revolution of 1917: Power, Society, Culture]. M.: ROSSPEN, 2017. 1336 p. [in Russian]

- Rossiya v 1917 godu – Rossiya v 1917 godu: ehnciklopediya [Russia in 1917: the encyclopedia]. M.: Politicheskaya ehnciklopediya, 2017. 1095 p. [in Russian]
- Rossiya v ehppohu revolyucij i reform, 2017 – Rossiya v ehppohu revolyucij i reform. Problemy istorii i istoriografii [Russia in the era of revolutions and reforms. Problems of history and historiography]. 2017. T. 5. Fevral'skaya revolyuciya 1917 g. 378 p. [in Russian]
- Sablin, 2017 – Sablin I.V. (2017). A History for the Centenary of the Russian Revolution. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. Vol. 62. Issue 3. pp. 638–644.
- Sablin, 2017a – Sablin I.V. (2017). Nationalist mobilization in the Russian Far east during the closing phase of the civil war. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. Vol. 62. Issue 1. pp. 18–25.
- Samohin, Koroleva, 2017 – Samohin K.V., Koroleva L.Yu. (2017). Voennyj faktor i mobilizacionno-volnovoj mekhanizm kak glavnye harakteristiki modernizacii Rossii imperskogo perioda [The Military Factor and the Mobilization-Wave Mechanism as the Main Characteristics of the Modernization of Russia in the Imperial Period]. *Bylye gody*. T. 46. V.4. pp. 1220–1228. [in Russian]
- Seleznev, Evdokimov, 2017 – Seleznev F.A., Evdokimov A.V. (2017). Nekotorye obstoyatel'stva otstavki voennogo ministra Suhomlinova [Some circumstances of the resignation of the military minister Sukhomlinov]. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. Vol. 62. Issue 3. pp. 481–496. [in Russian]
- Skochpol, 2017 – Skochpol T. (2017). Gosudarstva i social'nye revolyucii: sravnitel'nyj analiz Francii, Rossii i Kitaya [States and social revolutions: a comparative analysis of France, Russia and China]. M.: Izd-vo Instituta Gajdara. 552 p. [in Russian]
- Steinberg, 2017 – Steinberg M.D. (2017). Alexandra Kollontai and the utopian imagination in the Russian revolution. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. Vol. 62. Issue 3. pp. 436–448.
- Steinberg, 2017a – Steinberg M.D. (2017). Lev Trotsky and the utopian imagination in the Russian revolution. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. Vol. 62. Issue 4. pp. 664–673.
- Steinberg, 2017b – Steinberg M.D. (2017). Vladimir Mayakovsky and the Utopian Imagination in the Russian Revolution. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. Vol. 63. Issue 1. pp. 83–91.
- Shelohaev, 2017 – Shelohaev V.V. (2017). Pereformatirovanie partijnogo prostranstva v Rossii v 1917 g. (istoriograficheskie itogi i issledovatel'skie zadachi) [Reformatting the party space in Russia in 1917 (historiographical results and research tasks)]. *Rossijskaya istoriya*. №2. pp. 32-41. [in Russian]
- Shelohaev, Solov'ev, 2017 – Shelohaev V.V., Solov'ev K.A. (2017). Liberal'nye ocenki Fevral'skoj revolyucii 1917 goda [Liberal assessments of the February Revolution of 1917]. *Novejshaya istoriya Rossii*. № 2 (19). pp. 33–43. [in Russian]
- Shelohaev, Solov'ev, 2018 – Shelohaev V.V., Solov'yov K.A. (2018). Fevral' v teni Oktyabrya (istoriograficheskie itogi i issledovatel'skie zadachi) [February in the shadow of October (historiographic results and research tasks)]. *Rossijskaya istoriya*. №1. pp. 161-171. [in Russian]
- Tihonov, 2017 – Tihonov V.V. (2017). Revolyuciya 1917 g. v kommemorativnyh praktikah i istoricheskoy politike sovetskoj ehppohi [The Revolution of 1917 in Commemorative Practices and Historical Politics of the Soviet Epoch]. *Rossijskaya istoriya*. №2. pp. 92-112. [in Russian]
- Tihonova, 2017 – Tihonova A.V. (2017). Svidetel'stva «russkih shvejcarcev» o revolyucionnyh sobytiyah 1917 g. [Evidence of the "Russian Swiss" about the revolutionary events of 1917]. *Voprosy istorii*. №6. pp. 70-80. [in Russian]

Столетний юбилей великих потрясений в зеркале новой российской историографии

Андрей Юрьевич Дворниченко ^{a, *}, Александр Эдуардович Котов ^a

^a Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу новейшей российской историографии Великой русской революции 1917 г. и связанных с ней событий: Первой мировой и Гражданской войн. Предметом рассмотрения являются преимущественно журнальные научные публикации за «юбилейные» 2017 и 2018 гг. Отмечается, что юбилейный «вал» даже академической литературы еще рельефнее обозначил те разногласия, а заодно и слабые места историографического поля, которые выявились гораздо раньше. На первом плане – теоретические вопросы: что породило социальный взрыв в России, могла ли Россия избежать революции, извечный российский вопрос «кто виноват» и многие другие. Важную роль в новейших дискуссиях играют споры о модернизации России начала XX в., ее природе, перспективах и роли в собственно революционных событиях. Наиболее ярким примером этих споров является продолжающаяся дискуссия вокруг концепции Б.Н. Миронова. В ряду попыток отыскать истоки революции заслуживают внимания две: организованная редакцией журнала «Российская история» дискуссия о монографии В.П. Булдакова и Т.Г. Леонтьевой, а также

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: a.dvornichenko@spbu.ru (А.Ю. Дворниченко), a.kotov@spbu.ru (А.Э. Котов)

предпринятый составителями сборника «Февральская революция» опрос историков. В последние годы продолжались и попытки «компаративистского» вписывания русской революции в общемировой контекст, а главное – выходили многочисленные публикации, посвященные частным аспектам «великих потрясений»: отдельным социальным стратам и группам, имперским и постимперским регионам. Особенный интерес представляет вопрос о роли в революции и Гражданской войне монархических групп. Бурно развивается в последние годы изучение «истории понятий» и «политики памяти», и в этом контексте значимы новейшие публикации, посвященные восприятию революции современниками и потомками. В целом, в современной историографии интенсивно идет накопление материала, подготовка площадки для дальнейшего успешного старта в забеге за научными истинами.

Ключевые слова: историография, Россия, научные журналы, Октябрьская революция, Февральская революция, Гражданская война, модернизация, политика памяти.